

Особенности парадигматики личных местоимений в верхнечепецком диалекте удмуртского языка

Л. Л. Карпова

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация,
karpovalud@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена описанию особенностей функционирования личных местоимений в верхнечепецком диалекте удмуртского языка. Важность данной проблемы определяется необходимостью комплексного изучения системы местоимений в структурно-территориальных разновидностях удмуртского диалектного языка. В исследовании особое внимание уделяется различительным признакам, которые являются характерными для верхнечепецкого диалекта, с одной стороны, и / или имеют ограниченное распространение в отдельных микросистемах исследуемого диалекта, с другой. Языковой материал анализируется в контексте удмуртского диалектного ландшафта.

Цель: выявить и описать особенности морфологической структуры личных местоимений верхнечепецких говоров удмуртского языка.

Материалы исследования: полевые материалы автора, собранные во время экспедиций в районах проживания верхнечепецких удмуртов в период с 2014 по 2023 гг.

Результаты и научная новизна. В статье впервые подробно проанализирована диалектная специфика в образовании, парадигмах словоизменения и употреблении личных местоимений в верхнечепецких говорах удмуртского языка. Установлено, что в исследуемых говорах данный разряд местоимений проявляет особенности в морфологической структуре отдельных падежных форм и во внешнем оформлении падежных маркеров. Выявлено, что различия в образовании падежных форм в большей степени касаются использования различных суффиксов и суффиксальных комбинаций. Некоторые отличительные черты в системе личных местоимений верхнечепецких говоров проявляются на уровне фонетического оформления падежных маркеров, а также способов их образования.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот новых лингвистических данных, которые могут стать дополнительным источником для всестороннего изучения местоименных слов в диалектной системе удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, верхнечепецкий диалект, личные местоимения, словоизменительная парадигма, формообразование, падежные форманты, диалектное варьирование

Для цитирования: Карпова Л. Л. Особенности парадигматики личных местоимений в верхнечепецком диалекте удмуртского языка // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 646–656.

Features of paradigmatics of personal pronouns in the Upper Chepts dialect of the Udmurt language

L. L. Karpova

*Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
karpovalud@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the description of the features of the functioning of personal pronouns in the Upper Chepts dialect of the Udmurt language. The importance of the problem is determined by the need to for a comprehensive study of the pronoun system in the territorial varieties of the Udmurt dialect language. The study pays special attention to distinctive features that are characteristic of the Upper Chepts dialect, on the one hand, and / or have a limited distribution in individual microsystems of the of studied dialect, on the other. Linguistic data are analyzed in the context of the Udmurt language dialect landscape.

Objective: to identify and describe the features in the morphological structure of personal pronouns in the Upper Chepts subdialects of the Udmurt language.

Research materials: the author's field materials collected during expeditions in the areas inhabited by the Upper Cheptsá Udmurts in the period from 2014 to 2023.

Results and novelty of the research: for the first time, the article analyzes in detail dialect specificity in education, paradigms of inflection and the use of personal pronouns in the Upper Cheptsá dialects of the Udmurt language. It is established that in the studied dialects, this category of pronouns exhibits features in the morphological structure of individual case forms and in the external design of case markers. It was revealed that the differences in the formation of case forms mostly relate to the use of various suffixes and suffix combinations. Some distinctive features in the system of personal pronouns of the Upper Cheptsá subdialects are manifested at the level of phonetic design of case markers, as well as ways of their formation.

The scientific novelty of the research lies in the introduction of new linguistic data into scientific circulation, which can become an additional source for a comprehensive study of pronominal words in the dialect system of the Udmurt language.

Key words: Udmurt language, Upper Cheptsá dialect, personal pronouns, inflectional paradigm, formation, case formants, dialectal variation

For citation: Karpova L. L. Features of paradigmatics of personal pronouns in the Upper Cheptsá dialect of the Udmurt language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (4/59): 646–656.

Введение

Класс местоимений в системе частей речи представляет собой один из спорных лексико-грамматических разрядов слов, что обусловлено их морфологической и функциональной неоднородностью, отсутствием собственного лексического значения и особых синтаксических функций, присущих только им. Специфика местоимения заключается также в том, что его значение ситуационно изменчиво, оно конкретизировано контекстом или ситуацией.

Первые попытки описания грамматической структуры удмуртских местоимений представлены в различных грамматиках XVIII и XIX вв. [22; 33], в которых они были освещены в контексте русской грамматической традиции. Некоторые аспекты удмуртских местоимений фрагментарно рассмотрены в специальных исследованиях, выполненных в русле разных направлений на материале отдельных финно-угорских языков [15; 27; 32]. Проблемам, связанным с происхождением и развитием местоимений в пермских языках, посвящены монографические исследования Б. А. Серебренникова [21, 184–213], Р. Бартенс [28], Ш. Чуча [29], Г. В. Федюновой [26]. Синхронное описание удмуртских местоимений находит отражение в разделах дескриптивных грамматик удмуртского языка [6, 167–187; 25, 88–107]. Отдельные аспекты грамматических свойств местоимений удмуртского языка анализируются в работах И. В. Тараканова [23], С. А. Максимова [16, 390–402], Н. В. Кондратьевой, О. Б. Стрелковой [13, 62–69], Т. В. Пантюхиной [18, 277–284; 19, 166–173] и др. Значительный материал о специфике функционирования местоименных слов в современных удмуртских диалектах представлен в монографии

В. К. Кельмакова [11, 134–140]. Несмотря на целый ряд серьёзных научных изысканий по данной проблеме, в удмуртском языкознании до настоящего времени отсутствует системное описание особенностей морфологической структуры местоимений в различных диалектных микро- и макросистемах удмуртского языка. В частности, к числу недостаточно изученных относится система местоимений говоров верхнечепецкого диалектного ареала. Некоторые сведения обзорного характера по местоименным словам в указанных говорах представлены в работах Л. Л. Карповой [8, 239–285; 9, 402–413]. Тем не менее, класс местоимений в верхнечепецких говорах не получил ещё всестороннего и детального освещения. Исследование сложной морфологической структуры этой своеобразной части речи в территориальных диалектах, выявление архаичных и инновационных черт создаёт предпосылки для дальнейшего изучения дейктических слов удмуртского языка с точки зрения синхронии и диахронии. В силу этого актуальным становится описание местоимений в различных говорах и диалектах удмуртского языка, в том числе в микросистемах верхнечепецкого диалекта. В настоящей работе в научный оборот вводятся новые диалектные данные, которые могут стать дополнительным источником для сравнительного исследования системы удмуртских и в целом пермских местоимений.

Верхнечепецкий диалект (или верхнечепецкие говоры) распространён на территории бассейна верхнего течения р. Чепцы и включает в себя говор удмуртов, проживающих в 3 административных районах Удмуртской Республики: Кезском, Дебёсском и Игринском. Данный диалект охватывает северо-восточную часть

удмуртского языкового пространства. В языковом отношении верхнечепецкий диалектный ареал представляет собой неоднородный характер, что обусловлено историей его формирования. Как свидетельствуют данные письменных источников и топонимических исследований, заселение верхней Чепцы происходило группами удмуртского населения как с нижнечепецкого и среднечепецкого ареала, так и с территории южной Удмуртии, Арской земли и бассейна Кильмези [1, 49–52]. Миграционные процессы оказали определённое воздействие на формирование и современное состояние исследуемых говоров, что обусловило появление ряда отличительных черт. Верхнечепецкий диалект по ряду фонетических и морфологических дифференциальных черт распадается на следующие говоры: кезский, дебёсский и зуринский.

В исследуемом диалекте представлены те же разряды местоимений, которые характерны для современного литературного языка: собственно-личные (или личные), усилительно-личные, взаимно-личные, счётно-личные, обобщительно-определяющие, послеложно-личные, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределённые, определяющие [25, 88–107]. Предметом рассмотрения в настоящей работе являются собственно-личные (далее – личные) местоимения в верхнечепецком диалекте, представляющем собой одну из макросистем северноудмуртского наречия. В северном наречии, помимо верхнечепецкого, выделяются среднечепецкий и верхнечепецкий диалекты, каждый из которых, наряду с общими языковыми чертами, обладает определённой спецификой.

Материалы и методы

Основой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания верхнечепецких удмуртов в период с 2014 по 2023 гг. С целью определения специфики личных местоимений верхнечепецких говоров лингвистический материал анализируется и интерпретируется в контексте локальных единиц удмуртского

диалектного языка, в первую очередь в сравнении с другими северноудмуртскими диалектами.

В качестве основного метода выступает описательный метод. Используются также сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы.

Результаты

В верхнечепецком диалекте номинативными формами личных местоимений выступают стандартные общеудмуртские формы *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, *со* ‘он, она, оно’, *ми* ‘мы’, *ти* ‘вы’, *соос* ‘они’. Некоторые примеры: кез. *муми өвёл бэрэ, мон ко-т'кытын донгон'н'и луи*. Паж.¹ ‘Поскольку мамы у меня нет, везде меня обижали (‘я получала пинок’); деб. *а тон бэрт, нэ, гуртэ, мон, нэ, татын йугыт луэмйа пумэн трактормэ лэс'то*. Так. ‘А ты возвращайся, мол, в деревню, я, мол, здесь, когда начнёт рассветать, не торопясь трактор ремонтировать буду’; деб. *күйн' ар но вит' толыз' со кыл'л'из нырыс' в ко-мэ, собэрэ с'инзэ ус'тиз*. Сюр. ‘Три года и пять месяцев он пролежал в коме, потом пришёл в себя (глаза открыл)’; зур. *ти сойэ курады. а «мэста учкэмэн» кыз'ы вэтлidy?* Тюп. ‘Вы её сосватали. А на [обряд] «Смотрины места» как сходили?’.

В удмуртском диалектном ареале среди специфических форм номинатива личного местоимения 3-го лица множественного числа внимание привлекают формы других северных диалектов – среднечепецкого и нижнечепецкого, в которых он бытует в вариантах *соос* и *сойос* [8, 240–241]. С точки зрения диахронии первичной является форма *сойос*, в которой элемент *-йос* имеет генетическую связь с формантом множественного числа *-йос* [15, 83–86; 30, 82; 31, 351–394]. В остальных удмуртских диалектах в качестве плюральной формы номинатива личного местоимения 3-го лица используется форма *соос* [8, 241].

В системе диалектов северного языкового ареала верхнечепецкие говоры отличаются тем, что в парадигме склонения личных местоимений наличествует 9 падежных форм. В отличие от этого, в других северноудмуртских диалектах наблюдается увеличение количественного

¹ После удмуртского примера в виде предложения следует сокращённое название населённого пункта, где был зафиксирован материал.

состава парадигматического ряда за счёт развития новых вторичных локальных падежей с маркером *-н'*, возникших на базе грамматикализации послелогов с основой *дин'* 'у, около, при, возле'. Как отмечает С. А. Максимов, вторичные пространственные падежи употребляются с одушевлёнными существительными, связанными с категорией лица [17, 213]. Кроме того, форманты вторичных пространственных падежей могут присоединяться и к отдельным группам местоимений, соотносимых с лицом, в частности, к личным, усилительно-личным, взаимно-личным, также к некоторым указательным, притяжательным, вопросительно-относительным, неопределённым, отрицательным местоимениям.

Для большинства говоров верхнечепецкого ареала вторичные пространственные падежи не характерны, им соответствуют сочетания с послелогом с основой на *дин'*: вч. *ми дин'ыс'* 'от нас (из нашего дома)'; вч. *соос дин'э* 'к ним (в дом)'. Примеры: кез. *сэрэ тин' кыд'окыс' лыктэмын шуис'ко·ды но, мон дин'э пыро·ды н'и ти*. Пол. 'Вот издалека приехали, раз говорите, ко мне [домой] устраиваетесь уже вы [на ночёвку]'; деб. *тин' пиосмурт лыктэ н'и но, кинэ йаратэ, со дин'э лыктыса кура·ло н'и*. Нюр. 'Вот парень приходит уже свататься, кого любит, к ней [домой] приходят свататься уже'; зур. *н' и н а пруд валлапаллан улэ. соос дин'ын дугдизы куноос*. Лоз. 'Нина в верховье пруда живёт. У них [в доме] остановились гости'. Исключение составляет территориально смежный со среднечепецким диалектом гыинско-александровский куст кезского говора, где наблюдается параллельное функционирование вторичных пространственных падежей и послелогов на *дин'*. Примеры: кез. *соосн'э, б о б р о вйосн'э, трос калык пыра*. СГыя 'К ним [домой], к Бобровым, много народу заходит'; кез. *тин'э бэн вуыли·за вармумы?* Ал. 'К вам [домой] приходила ли тёща?'; кез. *соос дин'ын «ныл брага» орччытим*. Ал. 'У них [в доме] отмечали [праздник] «Девичья брага»'; кез. *со дин'э лыкти ужан шуса*. СГыя 'К ней [домой] пришла я, чтобы поработать'.

В южноудмуртском языковом ареале и срединных говорах вместо вторичных пространственных падежей употребляются послелоги с основой *дор-* 'у, около, возле, при' [17, 223].

В говорах верхнечепецкого диалектного ареала особенность отмечается в отношении частотности использования некоторых падежей. К примеру, достаточно редко встречаются аппроксимативные формы личных местоимений, маркированных суффиксом *-лань*. Формы типа *тонлан'* 'в сторону тебя; по направлению к тебе', *милан'* 'в сторону нас; по направлению к нам' наблюдаются в основном в речи представителей пожилого и преклонного возраста. В текстовых материалах по указанным разговорам нами выявлены преимущественно примеры употребления аппроксимативных форм личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. Приведём некоторые из них: кез. *бабэ татын улэ пыр, со тил'эд трос, дыр, взраны быгатоз. солан' ту·бэ, азэо·ды корказэ*. Уди 'Бабушка моя здесь живёт постоянно, она вам многое, наверно, сможет рассказать. В сторону её дома ('в её сторону') поднимитесь, увидите дом её'; деб. *соослан' вас'киз тодмотэм ад'ами*. Тыл. 'В сторону их дома ('в их сторону') пошёл незнакомый человек'. Как свидетельствует лингвистический материал, в верхнечепецких говорах функцию данного падежа выполняют эквивалентные в семантическом плане сочетания с послелогом *пала* 'в сторону; по направлению к', например: деб. *тан' нылы у в аз санато·рийэ вэтлиз вал. йун ээч шуиз. мынам но ти пала ту·жын вэтлэм потэ*. ЗМед. 'Вот дочь моя в санаторий на Уву ездила. Очень понравилось, сказала. И мне в вашей стороне очень хочется побывать'; деб. *калыкэз пёйас' чиганийос мон пала вамышитизы*. НШуд. 'Обманывающие людей цыгане **в мою сторону** направились'. Как подчёркивают исследователи, относительно невысокая дистрибутивная нагрузка аппроксиматива в современном удмуртском языке связана с интралингвистическими факторами, а именно: его функциональная нагрузка чаще всего передаётся посредством послеложных форм [11, 117; 12, 204–205]. Отметим, что тенденция ослабления морфологической маркировки указанного падежа в системе современного удмуртского языка в области как местоимений, так и существительных получает дальнейшее развитие.

Словоизменительная парадигма личных местоимений единственного и множественного числа в говорах верхнечепецкого диалекта представлена в таблицах 1 и 2.

Склонение личных местоимений в единственном числе

Падеж	Единственное число								
	1 лицо			2 лицо			3 лицо		
	кез.	деб.	зур.	кез.	деб.	зур.	кез.	деб.	зур.
Ном.	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>со</i>	<i>со</i>	<i>со</i>
Акк.	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>сойэ</i>	<i>сойэ</i>	<i>сойэ</i>
Ген.	<i>мынам</i>	<i>мынам</i>	<i>мынам</i>	<i>тынад</i>	<i>тынад</i>	<i>тынад</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>
Абл.	<i>мынэс'тым,</i> <i>мыныс'тым</i>	<i>мынэс'тым,</i> <i>мыныс'тым</i>	<i>мынэс'тым,</i> <i>мыныс'тым</i>	<i>тыныс'тыд,</i> <i>тынэс'тыд</i>	<i>тынэс'тыд,</i> <i>тыныс'тыд</i>	<i>тынэс'тыд,</i> <i>тыныс'тыд</i>	<i>солэс'</i>	<i>солэс'</i>	<i>солэс'</i>
Дат.	<i>мыным</i>	<i>мыным</i>	<i>мыным</i>	<i>тыныд</i>	<i>тыныд</i>	<i>тыныд</i>	<i>солы</i>	<i>солы</i>	<i>солы</i>
Инстр.	<i>монэным</i>	<i>монэным</i>	<i>монэным</i>	<i>тонэныд</i>	<i>тонэныд</i>	<i>тонэныд</i>	<i>соин</i>	<i>соин</i>	<i>соин</i>
Кар.	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>сотэк</i>	<i>сотэк</i>	<i>сотэк</i>
Адв.	<i>монйа</i>	<i>монйа</i>	<i>монйа</i>	<i>тонйа</i>	<i>тонйа</i>	<i>тонйа</i>	<i>сойа</i>	<i>сойа</i>	<i>сойа</i>
Аппр.	<i>монлан'</i>	<i>монлан'</i>	<i>монлан'</i>	<i>тонлан'</i>	<i>тонлан'</i>	<i>тонлан'</i>	<i>солан'</i>	<i>солан'</i>	<i>солан'</i>

Таблица 2

Склонение личных местоимений во множественном числе

Падеж	Множественное число								
	1 лицо			2 лицо			3 лицо		
	кез.	деб.	зур.	кез.	деб.	зур.	кез.	деб.	зур.
Ном.	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ми</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>ти</i>	<i>соос</i>	<i>соос</i>	<i>соос</i>
Акк.	<i>мил'эмды</i>	<i>мил'эмды,</i> <i>мил'эмдыс</i>	<i>мил'эмды,</i> <i>мил'эмдыс,</i> <i>мил'эмдыс-ты,</i> <i>мил'эмдэс-ты</i>	<i>тил'эдды</i>	<i>тил'эдды,</i> <i>тил'эддыс</i>	<i>тил'эдды,</i> <i>тил'эддыс</i>	<i>соосты</i>	<i>соосты</i>	<i>соосты</i>
Ген.	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>мил'ам</i>	<i>тил'ад</i>	<i>тил'ад</i>	<i>тил'ад</i>	<i>соослэн</i>	<i>соослэн</i>	<i>соослэн</i>
Абл.	<i>мил'эс'тым</i>	<i>мил'эс'тым</i>	<i>мил'эс'тым</i>	<i>тил'эс'тыд</i>	<i>тил'эс'тыд</i>	<i>тил'эс'тыд</i>	<i>соослэс'</i>	<i>соослэс'</i>	<i>соослэс'</i>
Дат.	<i>мил'эм</i>	<i>мил'эм</i>	<i>мил'эм</i>	<i>тил'эд</i>	<i>тил'эд</i>	<i>тил'эд</i>	<i>соослы</i>	<i>соослы</i>	<i>соослы</i>
Инстр.	<i>мил'эным,</i> <i>мил'энымы</i>	<i>мил'эным,</i> <i>мил'энымы</i>	<i>мил'эным,</i> <i>мил'энымы,</i> <i>мил'эмын</i>	<i>тил'эныд,</i> <i>тил'эныды</i>	<i>тил'эныд,</i> <i>тил'эныды</i>	<i>тил'эныд,</i> <i>тил'эныды,</i> <i>тил'эдын</i>	<i>соосын</i>	<i>соосын</i>	<i>соосын</i>
Кар.	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>митэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>титэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>соостэк</i>	<i>соостэк</i>
Адв.	<i>мийа</i>	<i>мийа</i>	<i>мийа</i>	<i>тийа</i>	<i>тийа</i>	<i>тийа</i>	<i>соосйа</i>	<i>соосйа</i>	<i>соосйа</i>
Аппр.	<i>миланё</i>	<i>миланё</i>	<i>миланё</i>	<i>тиланё</i>	<i>тиланё</i>	<i>тиланё</i>	<i>соослан'</i>	<i>соослан'</i>	<i>соослан'</i>

Остановимся на рассмотрении особенностей, которые выявляются в парадигме склонения личных местоимений исследуемых говоров.

1. В верхнечепецких говорах в сингулятивной парадигме личных местоимений 1-го и 2-го лица интерес вызывают формы аблатива, представленного двумя фонетическими вариантами: кез., деб., зур. *мыныс'тым* ~ *мынэс'тым* 'у меня'; кез., деб., зур. *тыныс'тыд* ~ *тынэс'тыд* 'у тебя'. Из отмеченных форм, по мнению исследователей, архаичным является вариант с *ы*-овой огласовкой, при этом элемент *-ыс'т-* соотносится с суффиксом элатива именного склонения [26, 41–43; 28, 150]. Как показывает лингвистический материал, формы *мыныс'тым*, *тыныс'тыд* функционируют в речи диалектоносителей старшего и среднего поколения. В отличие от этого, в речи представителей молодого возраста распространена вариантность в использовании указанных форм: *мыныс'тым* ~ *мынэс'тым*; *тыныс'тыд* ~ *тынэс'тыд*. Употребление в верхнечепецких

говорах форм *мынэс'тым*, *тынэс'тыд*, свойственных также удмуртскому кодифицированному языку и многим диалектам обусловлено, на наш взгляд, воздействием литературного языка, а также в определённой степени может быть вызвано внешним контекстом процесса коммуникации.

Из других северноудмуртских диалектов архаичные формы *мыныс'тым*, *тыныс'тыд* достаточно активно отмечаются в речи современных среднечепецких удмуртов.

2. В парадигме сингулятивного склонения интерес представляют формы личных местоимений 1-го и 2-го лица в инструментале. В исследуемых говорах, как и в других северных диалектах, падежный маркер инструментала осложнён лично-притяжательным суффиксом: вч., сч., нч. *монэным* '(со) мной', вч., сч., нч. *тонэныд* '(с) тобой'. Морфологический маркер падежа при этом, как правило, находится в препозиции по отношению к лично-притяжательному суффиксу. Примеры: деб. *пиэлэн монэным улэмэз ёс пот. кошкис со кышно*

дин'аз. Бер. 'Со мной сын не захотел жить. Ушёл он [жить] к жене'; зур. *монэным* но со *вэрас'кыны вырэ удморт с'амын*. Бел. 'И со мной он пытается говорить по-удмуртски'; кез. *пукс'о ай тонэныд артэ, аз'лантом тонэныд вэрас'кэммэс*. СГыя 'Сяду-ка рядом с тобой, продолжим наш с тобой разговор'; деб. *тонэныд, нылы, л'акыт мыным*. НУн. 'С тобой, доченька, спокойно мне'.

Наряду с этим в кезском говоре верхнечепецкого диалекта (с. Полом Кезского района) в наших текстовых материалах встречается один пример на употребление неосложнённой формы инструментала – *монэн* '(со) мной': кез. *а монэн ули-зы кэ, со мамэлэн с'эстрэз нуллиз на монэ, мон кытын вортскэмын, бэн вэт'*. Пол. 'А раз со мной жили они, сестра моей мамы возила ещё меня [туда], где я родилась, вот так'.

Расширенные формы *монэным*, *тонэныд* представлены в бесермянском наречии [14, 91–92; 24, 183], в части средневожосточных говоров [5, 269]. В отличие от этого, в южных, периферийно-южных и отдельных центральных говорах распространены краткие формы *монэн*, *тонэн* [11, 135]. Формы, осложнённые лично-притяжательными суффиксами, зафиксированы также в ижемско-удорском диалектном регионе коми-зырянского языка [26, 45–46]. На основании этого венгерский исследователь Ш. Чуч в своё время высказал предположение о прапермском происхождении форм инструментала с лично-притяжательным формативом [29, 231]. Однако следует отметить, что эта точка зрения разделяется не всеми учёными [26, 46].

3. Определённые различия между удмуртскими диалектами обнаруживаются во внешнем оформлении плюральных форм аккузатива от личных местоимений 1-го и 2-го лица. В южной диалектной зоне (южное наречие и южная часть срединных говоров) указанные формы выражаются стандартным маркером *-ыз* [2, 27; 11, 119]. В северных диалектах аккузатив представлен несколькими вариантами суффиксов: *-ды*, *-эс*, *-эсты*, *-дыс*, *-дысты* (*-дэсты*). Из отмеченных формантов *-ды* бытует в основном в говорах северной диалектной зоны, охватывающей северное, бесермянское наречия, а также северную часть срединных говоров [2, 27; 11, 119]. Другие аккузативные показатели выступают в иной фонетической огласовке

(*-эс*) или представляют собой плеонастические образования (*-эсты*, *-дысты* (*-дэсты*), *-дыс*).

Что касается верхнечепецких говоров, то здесь прослеживается функционирование варьирующихся форм с маркерами *-ды* и *-дыс*, употребление которых не совпадает по говорам. В кезском говоре функционирует преимущественно суффикс *-ды*: *мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас'. Примеры: кез. *ули-мы нылмы дин'ын толзэ. мызэат но со вит'э мил'эмды*. Уди 'Жили мы у дочери зимой. И на будущий год она ждёт нас'; кез. *улыччоож ма но ой вал... мил'эмды эмэс'ни воз'мас'-ут'алтис' луиз н'и*. Пол. 'За всю жизнь чего только не было... За нами ('нас') зять уже присматривает ('ухаживающим стал')'.

В дебёсском и зуринском говорах отмечается факультативное использование показателей *-ды* и *-дыс*: *мил'эмды* и *мил'эмдыс* 'нас', *тил'эдды* и *тил'эддыс* 'вас'. Примеры: деб. *мил'эмды, тичи пинал'л'осты, эктыны кадрил'дышэтайазы*. ЗМед. 'Нас, маленьких детей, кадрили танцевать учили'; деб. *кин мил'эмдыс турнаку кутэ, со шуэ с'алтыман, с'алтыман*, *вот соосты с'эктано н'и*. Нюр. 'Кто нас поймает во время косьбы, тот произносит [слова] «купание невесты, купание невесты», вот их нужно уже угощать вином'; зур. *в э р и дин'э вэрас'ким л'укас'кын. тил'эдды но со от'из*. ТПур. 'У Веры в доме договорились собраться [на репетицию]. Вас тоже она пригласила'.

Помимо этого, в зуринском говоре в речи одного из информантов д. Итадур Игринского нами зафиксированы любопытные плюральные формы аккузатива личного местоимения 1-го лица *мил'эмдысты* ~ *мил'эмдэсты* 'нас'. Примеры: зур. *мил'эмдэсты т'ут'у воз'маны косо вал*. Ит. 'Нас цыплят заставляли стеречь'; зур. *мил'эмдысты уг лэ-з'о вал поминкэ*. Ит. 'Нам ('нас') не разрешали ходить на поминки [на кладбище]'; зур. *мил'эмдысты бабушка трапка но кэс'аны косэ вал половиклы*. Ит. 'Нас бабушка и старый материал ('тряпку') заставляла рвать на половики'.

С диахронической точки зрения оба удмуртских маркера аккузатива *-ды* и *-ыз*, по мнению учёных, сформировались в прапермский период [11, 120; 12, 118; 21, 42], поскольку в настоящее время они представлены как в удмуртском, так и коми языках [26, 64].

Суффикс *-дыс*, распространённый в части говоров верхнечепецкого диалекта, образован

плеонастическим сочетанием формантов аккумулятива *-ды* и *-ыз*: *-дыс* (< *-ды* + *-ыз*). Подобный маркер аккумулятива распространён также в отдельных центральных говорах [4, 22; 7, 107].

Что касается структуры суффикса *-дысты* (*-дэсты*), то он также образован путём контаминации суффикса *-дыс*, характерного для дебёсского и зуринского говоров, и суффикса *-ты*, представляющего собой аккумулятивный маркер северноудмуртских диалектов. Таким образом, в показателе *-дысты* (*-дэсты*) фактически соединены три аккумулятивных суффикса: *-дысты* (< *-ды* + *-ыз* + *-ты*). Морфологический маркер с э-овой огласовкой (*-дэсты*) возник, как мы полагаем, из формы *-дысты* в результате ассимиляции гласного *ы* предшествующему гласному *э* местоименной основы *мил'эм*: *мил'эмдэсты* < *мил'эмдысты*.

Из других северноудмуртских диалектов наличием широкого спектра аккумулятивных формантов в структуре личных местоимений выделяется среднечепецкий диалект, в ареале распространения которого отмечается функционирование следующих морфологических показателей: *-эсты*, *-эс*, *-ды*, *-дыс* [8, 243]. В отличие от этого, в нижнечепецком диалекте в качестве маркера аккумулятивных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного используется единственный показатель – суффикс *-эс* [9, 407].

4. В верхнечепецких говорах, как и в других северных диалектах, морфологическим маркером плюральной формы аккумулятива личного местоимения 3-го лица выступает суффикс *-ты*: вч., сч., нч. *соосты* ‘их’. Примеры: деб. *жэн'ихлэн мумиз-бубиз, сэстрэз, братэз, киросмамэз, кироспапэз куран лыктизы монэ. соосты ту-жун угоишали ни*. Ар. ‘У жениха родители, сестра, брат, крёстная, крёстный приходили сватать меня. Их хорошо уже угощали’; зур. *мамэ да бабушкэ вал д'эрэвн'ын. соосты мыным пыр эскэртоно вал*. ТПур. ‘Мама и бабушка моя жили в деревне. За ними (‘их’) мне постоянно нужно было присматривать’.

Аналогичная маркировка аккумулятивной формы личного местоимения 3-го лица множественного числа, согласно данным С. К. Бушмакина, представлена в территориально смежных с верхнечепецким диалектом средневосточных говорах [5, 269]. Свободная альтернатива южноудмуртского суффикса *-ыз* и северноудмуртского *-ты* отмечается в бесермянском

наречии [14, 92; 24, 184]. Мы считаем, что в грамматическую систему языка бесермян вариант показателя аккумулятива *-ты* проник из северноудмуртских говоров [9, 408; 10, 1274].

5. Характерной чертой верхнечепецких говоров является функционирование датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в краткой форме: *мил'эм* ‘нам’, *тил'эд* ‘вам’. Примеры: кез. *порозни мил'эм с'отиз вал колхоз, вот сээ калтоно н'и*. Пол. ‘Бычка нам выделил было колхоз, вот его уже нужно накормить’; деб. *мил'эм ивортизы, што йэгитийос лыктил'л'ам*. Тол. ‘Нам сообщили, что молодые ребята пришли’; зур. *пиналийос выдытоз' ум кё-лис'кэ. тан' тил'эд со но та вэрало пока*. Лоз. ‘Пока дети не лягут, не ложимся спать. Вот вам о том, о сём расскажу пока’.

Следует отметить, что выражение датива указанных местоимений без падежного маркера *-лы* свойственно также среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам [8, 246]. Аналогичные усечённые формы *мил'эм*, *тил'эд* функционируют в бесермянском наречии [14, 92]. В языке бесермян подобное оформление дативных форм, на наш взгляд, обусловлено влиянием северноудмуртских диалектов.

В отличие от этого, в говорах южного наречия и некоторой части срединных говоров образование плюральные форм датива выражаются формантом *-лы*: юж., сред. *мил'эмлы* ‘нам’; юж., сред. *тил'эдлы* ‘вам’.

Отметим, что в коми-зырянском диалектном ареале функционируют как расширенные, так и усечённые формы датива указанных местоимений [20, 161; 26, 62]. С точки зрения Д. В. Бубриха, возникновение краткой формы датива во множественном числе обусловлено влиянием форм датива 1-го и 2-го лица единственного числа, характеризующихся отсутствием падежного маркера *-лы* [3, 104].

6. В верхнечепецких говорах среди диалектных форм в плюральной парадигме привлекают внимание инструментальные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица *мил'эным* ~ *мил'энымы* ‘с нами’, *тил'эныд* ~ *тил'эныды* ‘с вами’. В удмуртском литературном языке и преобладающем большинстве современных диалектов данные формы представлены в вариантах *мил'эмын*, *тил'эдын* и структурно образованы по схеме: основа местоимения (*мил' / тил'-*, где *л'* диахронически представляет

собой словообразовательный суффикс) + лично-притяжательный формант *-эм/-эд* + падежный формант *-эн*. Специфика верхнечепецких говоров заключается в том, что в формах инструментала суффиксы выступают в альтернативном морфопорядке: падежный маркер *-эн* + лично-притяжательный маркер *-м* (*-мы*), *-д* (*-ды*). Некоторые примеры: кез. *толонлэс' вал'л'ан тил'эныд пумис'ким вал с'эл'совэтын. отын мон калкис'ко*. Уди 'Позавчера с вами встречались мы в сельсовете. Я там убираюсь'; деб. *тил'эныд тодматскэмзы, пэ, потэ мумы-бубыослэн. к ул' и г аз, пэ, мыноно*. Тол. 'С вами хотят, мол, познакомиться родители. В [село] Кулига, мол, надо ехать'; зур. *ачиз дирэкор мил'энымы вырэ, йурттэ мил'эм*. ТПур. 'Сам директор беспокоится о нас ('с нами возится'), помогает нам'. Отметим, что аналогичный порядок расположения падежного и притяжательного формантов в структуре инструментала наблюдается в соседних средне-восточных говорах [5, 270].

В языке современных носителей зуринского говора наряду с инструментальными формами *мил'эным ~ мил'энымы, тил'эныд ~ тил'эныды* употребительны также варианты *мил'эмын, тил'эдын*. Функционирование последних в указанном говоре, по нашему мнению, обусловлено влиянием литературного языка, которому свойственны эти формы. Примеры: зур. *та пэсн'эз мил'эмын з' и н а но кырзалоз*. БПур. 'Эту песню вместе с нами и Зина будет петь'; зур. *тил'эдын чош ужаса, жад'эммэ ик ой ва'ла*. Бел. 'Вместе с вами работая, и усталости не почувствовала'.

Следует отметить, что в других северноудмуртских диалектах наблюдается преимущественное употребление форм *мил'эмэн* 'с нами', *тил'эдэн* 'с вами' [8, 249].

Обсуждение и заключение

Анализ лингвистического материала показывает, что в структуре личных местоимений верхнечепецких говоров выявляются специфические черты, явившиеся результатом действия как внутренних, так и внешних факторов развития этих говоров. Как было отмечено выше, формирование носителей говоров верхнечепецкого языкового ареала происходило с участием различных групп удмуртского населения. Это обстоятельство в значительной степени повлияло на специфику исследуемых

говоров, что выражается в выравнивании отдельных языковых черт и возникновении новых своеобразных явлений.

В парадигматике личных местоимений верхнечепецких говоров нами выявлены черты, которые свойственны другим северным диалектам, но отсутствуют в говорах южной диалектной зоны (употребление усечённых форм датива личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа; функционирование личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в инструментале в расширенной форме; образование аккузатива личного местоимения 3-го лица множественного числа с суффиксом *-ты*; и др.). Наличие общих языковых признаков в северноудмуртских диалектах, в том числе в области местоимений, объясняется общностью этногенетических и исторических процессов, которые имели место в чепецком бассейне.

В контексте других удмуртских диалектов, в том числе северных, отличительные черты верхнечепецких говоров в области местоимений наблюдаются в количественном составе словоизменительной парадигмы, во внешнем оформлении отдельных морфологических показателей. К примеру, в сравнении с остальными северными диалектами – среднечепецким и нижнечепецким – в верхнечепецких говорах отсутствует серия вторичных пространственных падежей с *-н'*-евым маркером. К особенностям в образовании падежных форм личных местоимений с точки зрения синтагматики следует отнести использование различных падежных суффиксов и суффиксальных комбинаций в структуре одной словоформы. В частности, для верхнечепецкого диалекта характерно функционирование варьирующихся по говорам плюральных форм аккузатива личных местоимений 1-го и 2-го лица с маркерами *-ды, -дыс, -дысты (-дэсты)*, причём три последних суффикса имеют инновационное происхождение и образованы путём плеоназма суффикса аккузатива северных говоров *-ды* и южных говоров *-ыз* в разных комбинациях. К специфике местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа рассматриваемого диалекта следует отнести также проявление необычного морфопорядка падежного и притяжательного суффиксов в структуре инструментала: *мил'эным ~ мил'энымы, тил'эныд ~ тил'эныды*. Подобный тип образования указанного падежа, как и в случае

с плюральными формами аккузатива с аффиксами *-дыс, -дысты (-дэсты)*, имеет позднее происхождение.

Таким образом, вариативность диалектных форм в словоизменительной парадигме лич-

ных местоимений в удмуртском языке свидетельствует об определённых изменениях в процессе их становления и развития, обусловленных как внутрисистемными, так и экстралингвистическими причинами.

Список сокращений

а) диалекты и говоры: вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; деб. – дебёсский говор верхнечепецкого диалекта; зур. – зуринский говор верхнечепецкого диалекта; кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; сев. – северное наречие удмуртского языка; сред. – срединные говоры удмуртского языка; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; юж. – южное наречие удмуртского языка;

б) названия населённых пунктов по говорам верхнечепецкого диалекта:

дебёсский говор: Ар. – д. Ариково, Дебёсский р-н; Бер. – д. Берёзовка, Дебёсский р-н; ЗМед. – д. Заречная Медла, Дебёсский говор; НШуд. – Нижний Шудзялуд, Дебёсский р-н; Нюр. – д. Нюровай, Дебёсский р-н; Сюр. – д. Сюрногурт, Дебёсский р-н; Так. – д. Такагурт, Дебёсский р-н; Тол. – д. Тольён, Дебёсский р-н; Тыл. – с. Тыловай, Дебёсский р-н;

зуринский говор: Бел. – д. Беляевское, Игринский р-н; БПур. – д. Большая Пурга, Игринский р-н; Ит. – д. Итадур, Игринский р-н; Лоз. – д. Лозолок, Игринский р-н; ТПур. – д. Тупал-Пурга, Игринский район; Тюп. – д. Тюптиево, Игринский р-н;

кезский говор: Ал. – д. Александрово, Кезский р-н; НУн. – д. Новый Унте, Кезский р-н; Паж. – д. Пажман, Кезский р-н; Пол. – с. Полом, Кезский р-н; СГыя – д. Старая Гыя, Кезский р-н; Уди – д. Уди, Кезский р-н.

Список источников и литературы

1. Агаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
2. Безенова М. П. Особенности падежной системы глазовской Азбуки 1847 г. // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 25–33.
3. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1949. 201 с.
4. Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
5. Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 747 с.
6. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 372 с.
7. Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // *Fennougristica*. 1980. Вып. 6. С. 103–110.
8. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
9. Карпова Л. Л. Морфология личных местоимений в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 3. С. 402–413.
10. Карпова Л. Л., Люкина Н. М. Бесермянские языковые черты в североудмуртских диалектах // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. Вып. 6. С. 1267–1279.
11. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
12. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
13. Кондратьева Н. В., Стрелкова О. Б. К вопросу о таксономических характеристиках притяжательных местоимений удмуртского языка // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 62–69.
14. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
15. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
16. Максимов С. А. К проблеме категории инклюзивности у местоимений в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 390–402.
17. Максимов С. А. Североудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск: Шелест, 2018. 336 с.
18. Пантюхина Т. В. Абессивные формы личных местоимений со значением выделения элемента из множества // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литература и фольклора. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. С. 277–284.

19. Пантюхина Т. В. Семантические и синтаксические значения удмуртских личных местоимений с суффиксами отрицания // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18. Вып. 2. С. 166–173.
20. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
21. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
22. Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 1–113.
23. Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Нимвоштос. Ижкар, 2003. 32 с.
24. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
25. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфология) (Морфология удмуртского языка). Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 408 с.
26. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.
27. Balázs J. Funktionswerte der Pronominalität. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 240 p.
28. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 2000. 372 p.
29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p.
30. Honti L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. Bd. 54, Ch. 1–2. Pp. 1–126.
31. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences. Leiden; New York; Kobenhavn; Köln: Brill, 1988. Pp. 351–394.
32. Vértés E. Die ostjakischen Pronomina. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 272 p.
33. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 p.

References

1. Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyurt. About the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. (In Russian)
2. Bezenova M. P. *Osobennosti padezhnoy sistemy glazovskoy Azbuki 1847 g.* [Peculiarities of the Glazov Alphabet's case system of 1847]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1), pp. 25–33. (In Russian)
3. Bubrikh D. V. *Grammatika literaturnogo komi yazyka* [Grammar of the literary Komi language]. Leningrad: Izd-vo Leningr. gos. un-ta im. A. A. Zhdanova Publ., 1949. 201 p. (In Russian)
4. Bushmakina S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka* [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]. Tartu, 1971. 28 p. (In Russian)
5. Bushmakina S. K. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka* [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]. Izhevsk; Moscow, 1971. 397 + 350 p. (In Russian)
6. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udm. kn. izd. Publ., 1962. 376 p. (In Russian)
7. Zagulyaeva B. Sh. *Morfologicheskie osobennosti prikil'mezskikh govorov udmurtskogo yazyka* [Morphological features of the Kilmez subdialects of the Udmurt language]. *Fenno-Ugristica* [Fenno-Ugristica], 1980, no. 6, pp. 103–110. (In Russian)
8. Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern variant of the Udmurt language: formation and current state]. Izhevsk: MarShak Publ., 2020. 563 p. (In Russian)
9. Karpova L. L. *Morfologiya lichnykh mestoimений v nizhnechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka* [Morphology of personal pronouns in the Lower Chepts dialect of the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (3), pp. 402–413. (In Russian)
10. Karpova L. L., Lyukina N. M. *Besermyanskies yazykovye cherty v severnoudmurtskikh dialektakh* [Besermyan language characteristics in the Northern Udmurt dialects]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2023, no. 33 (6), pp. 1267–1279. (In Russian)
11. Kelmakov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [Short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography]. Izhevsk: Udmurt universitet Publ., 1998. 386 p. (In Russian)
12. Kondratyeva N. V. *Formirovanie padezhnoy sistemy v udmurtskom yazyke* [Formation of the case system in the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurt universitet Publ., 2011. 154 p. (In Russian)
13. Kondratyeva N. V., Strelkova O. B. *K voprosu o taksonomicheskikh kharakteristikakh prityazhatel'nykh mestoimений udmurtskogo yazyka* [To the question about taxonomic features of possessive pronouns of the Udmurt language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (1), pp. 62–69. (In Russian)

14. Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermyans]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. (In Russian)
15. Maytinskaya K. E. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical and comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. (In Russian)
16. Maksimov S. A. *Severnoudmurtско-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk: Shelest Publ., 2018. 336 p. (In Russian)
17. Maksimov S. A. *K probleme kategorii inklyuzivnosti u mestoimeniy v udmurtskom yazyke* [To the problem of the category of inclusiveness of pronouns in the Udmurt language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (3), pp. 390–402. (In Russian)
18. Pantyukhina T. V. *Abessivnye formy lichnykh mestoimeniy so znacheniem vydeleniya elementa iz mnozhestva* [Abessive forms of personal pronouns with the meaning of selecting an element from a set]. *Aktual'nye problemy udmurtovedeniya v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii yazykov, literatur i fol'klora* [Actual problems of Udmurt studies in the context of comparative studies, contactology and typology of languages, literatures and folklore]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2022. Pp. 277–284. (In Russian)
19. Pantyukhina T. V. *Semanticheskie i sintaksicheskie znacheniya udmurtskikh lichnykh mestoimeniy s suffiksami otritsaniya* [Semantic and syntactic meanings of Udmurt personal pronouns with negation suffixes]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2024, no. 18 (2), pp. 166–173. (In Russian)
20. Popova R. P., Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the research)]. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU Publ., 2014. 272 p. (In Russian)
21. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 392 p. (In Russian)
22. *Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatike votskago yazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoy Akademii nauk 1775 goda* [Writings belonging to the grammar of the Votyak language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1775]. *Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka* [The first scientific grammar of the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1975. Pp. 1–113. (In Russian)
23. Tarakanov I. V. *Tuala udmurt kyl: Nimvoshtos* [Modern Udmurt language: Pronoun]. Izhevsk, 2003. 32 p. (In Udmurt)
24. Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyans]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russian)
25. *Udmurt kyllen kylkabtodosez (morfologiya) (Morfologiya udmurtskogo yazyka)* [Morphology of the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurt universitet Publ., 2011. 408 p. (In Udmurt)
26. Fedyuneva G. V. *Pervichnye mestoimeniya v permskikh yazykakh* [Primary pronouns in the Permian languages]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008. 427 p. (In Russian)
27. Balázs J. *Funktionswerte der Pronominalität*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 240 p. (In German)
28. Bartens R. *Permilaisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 372 p. (In Finnish)
29. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p. (In German)
30. Honti L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri). *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. Bd. 54. H. 1–2. Pp. 1–126. (In German)
31. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen. *The Uralic Languages. Description, history and foreign influences*. Leiden – New York – Kobenhavn – Köln: Brill, 1988. Pp. 351–394. (In German)
32. Vértes E. *Die ostjakischen Pronomina*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 272 p. (In German)
33. Wiedemann F. J. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпова Людмила Леонидовна, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426004, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34), доктор филологических наук.

karpovalud@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-3067-4017

ABOUT THE AUTHOR

Karpova Lyudmila Leonidovna, Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426067, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, T. Baramzina Str., 34), Doctor of Philological Sciences.

karpovalud@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-3067-4017